

УДК 81'28/37(470.53)

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ
В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ
(на материале лексики памятников письменности XVI – XVIII вв.
и мифологических рассказов XX – XXI вв.)¹**

Елена Николаевна Полякова

д. филол. н., профессор кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. 32polyakova@mail.ru

Ирина Ивановна Русинова

к. филол. н., доцент кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. irusinova@mail.ru

В статье на материале лексики памятников письменности XVI–XVIII вв. и мифологических рассказов XX–XXI вв. Пермского края рассмотрены языковые воплощения мифологических и магических представлений жителей региона, в частности названия злых духов, колдунов, их действий и атрибутов. Анализ языкового материала показал устойчивость и преемственность воззрений, нашедших отражение в лексике и фразеологии региона.

Ключевые слова: памятники письменности; мифологические рассказы; Пермский край; злой дух; колдун; мифологическая лексика; магическая лексика.

Настоящая статья продолжает серию работ, посвященных исследованию диалектной лексики и фразеологии, в которой нашли отражения древнейшие представления жителей Пермского края [Полякова 2006 и др.; Русинова 2009, 2011а, 2011б, 2011в, 2012 и др.]. Эти представления определяются мифологическим сознанием, корни которого уходят в глубь веков и связаны с традиционным типом культуры. Данная статья помогает понять глубину, устойчивость и преемственность подобных воззрений, отраженных в лексических и фразеологических единицах.

О лексике народной магии и мифологии в живой речи прошлых эпох можно судить по материалам письменных памятников, в которых представлены фрагменты судебных текстов, передающих показания жителей Прикамья. В этих фрагментах отмечаются названия мифологических существ, таких как дьявол, черт. Эти слова встречаются при описании ссоры и брани, ср.: «*Осип Нестеров ево де, Елфима, взяв за бороду, драл и говорил: Ваши де дети черту служат, а не з(о)с(у)д(а)ря... потому что де сын ево, Ел-*

фимов, салдат Антипа со службы великого з(о)с(у)д(а)ря бежал» [КСАУ 1: 23], 1707 г. Наричательное слово проникло в прошлом в ономастику и употреблялось в качестве имени некалендарного или прозвища **Чёрт**: «*Бобыль починка Анисимов Фомка Иванов сын Черт*» [КЧ: 69 об.], 1623 г. В памятниках зафиксировано также прозвище **Чертёнок**: «*Житель Соли Камской Васька Самойлов сын Чертенюк*» [КС: 165 об.], 1623 г. Оно либо могло быть дано по отцу, имевшему прозвище или имя *Черт*, либо возникло самостоятельно из нарицательного слова **чертёнок**.

С таким же значением 'черт, нечистый' существовало в пермских памятниках слово **бес**, тоже отмечаемое в ономастике: «*Житель города Кунгура прозванием Бес*» [КСАУ: 106], 1707 г.; зафиксирован и его вариант **Бесь**, давший фамилию Бесев: «*Крестьянин погоста Янидор Онька Бесев*» [Я: 23], 1579 г. От некалендарного имени *Бес* было образовано уменьшительное **Беско**, ставшее основой фамилии Бесков: «*Чердынец Сенька Тарасов сын Бесков*» [КЧ: 44 об.], 1623 г.

Имена и прозвища из мифологических слов, судя по данным «Словаря древнерусских личных собственных имен» М.Н.Тупикова, отмечаются и в памятниках других территорий России: «...крестьянин *Ивашко Черт*», 1498 г.; «*Изнат Черт, холот*», 1500 г. [СДЛСИ: 483]; «*Федко Бес, крестьянин Городенского погоста*», 1495 г., «*Логинко Беско, крестьянин Черенчицкого погоста*», 1495 г. [там же: 135].

Кроме слов *чёрт* и *бес*, использовались другие названия мифологических существ, которые можно восстановить по данным ономастики. Таким, например, было слово *ляд* из некалендарного имени или прозвища *Ляд*, восстановленного по пермским фамилиям *Лядов*, *Лядовых* и по ойкониму – деревня *Лядова*: «*Крестьянин Сылвенского острожка Матюшка Лядов*», 1623 г. [К: 128], «*Крестьянин деревни Лядова на реке Сылве Анисимко Матвеев сын Лядовых... да Петрушка Матвеев сын Лядов*», 1647 г. [Е: 92].

Пермские слова с корнем *-ляд-* были исследованы нами в специальной работе [Полякова 2006]. *Лядом* древние славяне называли болото и дух болота. Имена или прозвища *Чёрт*, *Бес*, *Ляд* были «профилактическими», т.е. выступали оберегами от нечистой силы, которая могла погубить не защищенного именем ребенка.

Вера жителей Прикамья XVI – XVIII вв. в магию и колдовство передается отрывками памятников о порче человека в результате наговаривания специальных текстов обычно на какое-либо питье: «*На свадебном пиру он Аника никаких слов в пиво не наговаривал и жены его Родионовой Ненилы волшебством не испарчивал*», 1705 г. [КЗСИ: 523]. Словом *порча* называли и болезнь, и способ ее вызывания: «*Он же Савин ея, Парасковью, икотною порчею не парчивал*», 1705 г. [там же: 826]; «*Черемиска Беккнейка Уразбахтина с пыток винилась в порчах, а училась де она волшебным отваром у черемиски Шиймакси*», 1675 г. [КА: 39]; «*Челобитье на Савку Детлева в волшебстве и в порче жены своей Ненилы*», 1705 г. [КЗСИ: 539 а].

Вызывалась порча питьем приготовленных специально напитков и наговариванием на них определенных (*худых*) слов: «*А волшебства де худых слов он Аника никаких не ведает*», 1705 г. [там же: 523]. К сожалению, что это были за «худые» слова, в изученных нами памятниках не зафиксировано.

Порча вызывалась действиями, для обозначения которых в Прикамье использовались слова *волховство*, *волшество*, *еретичество*: «*Испортит де жену его, Аврамову, Марфу еретичеством своим, напустил де красную грыжу... кто*

де ея, Анну, испортил икотною скорбью, того он, Онтон не ведает», 1706 г. [там же: 1018].

Появление различных болезней (*красной грыжи*, *икотной скорби*, *сухоты* и других) рассматривалось как результат порчи человека. Болезни, вызванные порчею, были как физического, так и психического характера. Судя по памятникам, чаще всего порчею вызывалась *икота*: «*Аника жену его Ненилу волшебством своим, наговоря в пиво, испортил и напустил на нее икоту*», 1705 г. [там же: 523]. В пермских памятниках фиксируются прилагательное *икотный* в составе словосочетаний *икотное дело*, *икотная порча*, *икотная скорбь*, *икотная немочь*: «*На нем, Иване, та икотная немочь была преже сего*», 1706 г. [там же: 1018] и глагол *иктать*: «*Явилась на мне вявь икотная порча, а как я иктал вне ума в той икоте говорил на него Дементья... и в той порче иктали и говорили на него Дементья*», 1706 г. [там же].

По мнению жителей Прикамья, порчею можно было *присушить* (вызвать *сухоту*, т.е. любовную страсть к кому-либо): «*Наговорил он, Павел, в стокане в пиво присушные слова и то де пиво велел поднести Нениле, Ивановой дочери, она де, тот стокан приняв, пила и с того де времени она по нем, Павле, стала тосковать и сохнуть и по се де число тоскует*», 1707 г. [КАУ: 125]. Впрочем, можно было и *снять тоску* и *сухоту*: «*И ныне де он, Павел, то сделает, что она по нем, Павле, тосковать и сохнуть не станет*» [там же].

От порчи старались оберегать особенно молодых во время свадьбы: «*На той де свадьбе у него, Родиона, был в вежливах, а для обороны де с собою на тое свадьбу, чтоб, его, Родиона, и жену его сторонние люди не испортили, имал громовую стрелу да святую траву*», 1705 г. [КЗСИ: 523]. *Громовой стрелой* считалось образование молнии в песке пальчатой сосульки, используемой в качестве оберега с языческих времен. *Вежливецем* называли колдуна, приглашенного на свадьбу для руководства свадебными действиями и охранения ее от порчи.

В сохранившихся документах отражается борьба с теми, кто может колдовать приготовлением питья и наговором на него. Запрещалось собирать и хранить травы и корни для использования их с целью колдовства, проводилось дознание, не хранятся ли они у кого-либо: «*Про травы и коренья, которые выняты у работника его, у Федки Молодого... распросные речи*», 1697 г. [РСЧ: 40]. Травы использовались для лечения, но, когда у кого-либо обнаруживали травы, требовалось объяснение того, с какой целью их хра-

нят: для лечения или для ворожбы, которая была запрещена: «Дала она, Марфа, ей, Мавре, доброй травы от сердечной болезни, и ту де траву она, Мавра, ела...она, Мавра, ево, Семена, хотела стравить травую», 1707 г. [КСАУ: 125]; «Он, Игнатей, от той болезни ей, Евдокии, волховством своим и травами пособлял», 1705 г. [КЗСИ: 534]; «Травы де и травное коренье держит мать их для того, что болят у нее ноги», 1707 г. [КСАУ: 123].

Прошло несколько веков со времени приведенных письменных свидетельств, но традиционные мифологические и магические представления жителей Пермского края и сегодня сохраняются и транслируются в мифологических текстах и диалектной лексике и фразеологии².

Мифологические воззрения по-прежнему отражают веру жителей края в духов различных локусов и реализуются в номинациях таких существ. Пермские ученые записали множество текстов, которые в развернутых и не очень сюжетах содержат свидетельства о «встречах» человека с различными духами. Только для обозначения духа бани в пермской диалектной речи зафиксировано несколько номинаций: **банная, банная бабушка, банник, банница, баннушка, банный, банная староста, банный староста, банный хозяин, банный царь, баницик, баницица**: *Есть банник, банный хозяин, [он] не любит, когда идут поздно в баню. И банная тоже не любит. Один у нас тут соспорил, что в двенадцать ночи в баню по ожег сходит. Палка, которой мешают в печке, ожег это. Вот пошёл, заходит в баню. Только руку-ту протянул, стал ожег брать, его кто-то за руку спал. Спрашивает его, голос женский: «Ежли замуж возьмёшь, отпущу, а нет, задавлю».* Как-то мужик вывернулся, с молитвой, убежал (Григорьевское Нытв.) [Архив].

Даже самые последние записи собирателей во время встреч с жителями региона говорят о наличии такой веры. Приведем отрывок беседы И.И. Русиновой с Н.А. Ужеговой, жительницей с. Срегенское Ильинского района. Эта беседа состоялась в августе 2012 года:

– Говорят, в баню тоже напрашиваться надо?

– А я Людку-ту учу. Я и захожу, вот токо в баню двери отпираю, говорю... Боу помолюся: «Матушка-банюшка, Соломия-баушка, пусти в баньке помыться». Вот в бане я вымылася, из бани пошла: «Спасибо, матушка-банюшка, Соломия-баушка. Кто воду носил, кто баню топил, дай тому Бох крепкого здоровья. Спаси, Христос, за баньку». Вот, иё я уцила. Уцю, говорю:

«Уцись, ты уцись, я и, говорю, моот, не сегодня-завтра умру. Ты уцись». Написала ей.

– Кто-то живет в бане?

– А хто там? Никого нету.

– А говорят, какой-то банный живёт?

– А банно-то есь жо, банно, банно-то и живёт.

– Банный?

– Банно в бане. Вот и просишиа: «Матушка-банюшка, Соломия-баушка, пусти в баньке помыться».

– Он кто – мужчина или женщина?

– А хто знат, тамо хто. Я на женицину говорю дак [Архив].

Чем примечательны рассуждения диалектонолога? Во-первых, автор твердо верит, что необжитый локус опасен и, чтобы без вреда для себя пользоваться этим пространством, необходимо испрашивать разрешения у его хозяина, что выражается в традиционной формуле-обращении. Во-вторых, рассказчик абсолютно убежден в необходимости передачи своих [читай – традиционных] знаний другому поколению, в данном случае дочери. Она даже записала эти «слова» ей «на тетрадке». В-третьих, показательное употребление номинации духа бани **банно (банное)** в среднем роде. Информатор не может сказать, какой облик имеет персонаж: в ее личном опыте не было «встреч» с банным духом, а ее рассказы содержат сведения только о том, как этот дух обнаруживал себя однажды открыванием банной двери. И противоречием выглядит в данном случае использование в речи информатора традиционной формулы-обращения **Соломея-баушка**. С одной стороны, это может свидетельствовать об исчезновении преемственности в передаче мифологических представлений, в соответствии с которыми дух бани принимает антропоморфный облик, что находит отражение в соответствующих номинациях мужского или женского рода (см. примеры выше). С другой стороны, такие «казусы» вполне в духе традиционной культуры. «Виртуальность» духов и их способность принимать любую личину приводят к тому, что в текстах традиционной культуры могут быть явные противоречия, например между их визуальным обликом и звуковым поведением. «Когда злой дух (**бесёнок, чертёнок, порча, икотка, хитка**) под воздействием приемов лечебной магии покидает организм больного человека, он имеет облик насекомого, мелкого животного, маленького человечка или полиморфного существа, предмета с явными признаками животного (глазами, усиками и т. п.). Однако, находясь внутри, дух часто говорит как человек или

производит звуки, характерные для домашних животных и птиц (собаки, петуха и под.). То есть налицо несовпадение двух кодов – визуального и звукового» [Русинова 2010б: 15].

В качестве примеров можно привести контекст, в котором описывается дух болезни, вселенный колдуном в человека: *Порча, икота-то разговариват – как лягуша или как ящерица сидит в человеке* (Монастырь Гайн.) [Бахматов 2008: 252].

Очень активно в пермской диалектной речи используются лексемы **бес** и **чёрт** для обозначения как любого злого духа, так и духа природного или хозяйственного локуса. См.: *Вот девки бегали на ростани слушать колокольцы. Наклонились к земле, слушают, вдруг смотрят: рядом бес стоит... Шапка у него вострая, красная была, да ноги все мохнатущие* (Тетерино Солик.) [Подюков 2006: 56]. *Одна тут ушла за полночь в баню, а там уж биси одни бегают. Дак задавили её, в каменку запехали* (Воскресенское Уинск.) [СРГЮП: 56]. *Мне рассказывали. Ходила одна в лес веники вязать. Ходила, навязала уже, смотрит: мужчина высокий, в полупальтишке, выше леса. Она три раза перекрестилась – он и исчез. Так он хотел её утратить. Это и есть чёрт* (Калинино Кунгур.) [Архив]. *Все говорили, все черти в воде, сейчас тонут – чёрт затащит. Где вода вьётся, туда не ходи* (Узьяр Куед.) [Черных 2004]. *У моего двоюродного брата в бане черти мылись. Давно это было. Воды налили горячей, взяли веник и давай париться. Он из клуба шёл, услышал, что гремит в бане что-то, заглянул – а там такие волосатые с хвостами. Он испугался и убежал. Потом пришли в баню, а в тазике вода и веник чуть живые* (Б. Кусты Куед.) [там же].

Традиционно словами **бес** и **чёрт** (обычно в форме множественного числа) и их суффиксальными производными обозначаются в пермских мифологических рассказах духи-помощники колдуна, которых он вселяет в человека для вызывания болезни или с целью другого вредоносного воздействия: *Уж во мне сидит, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. Завидовали семье нашей. И вот живет сейчас во мне бес Егорка. Тридцать лет уж живёт. А подали его мне колдуны с квасом. Порча вот така великая* (Перино Караг.) [Архив]. *Я слыхала: колдун посадит бесёнка. Дак он молчит шесть лет, а потом начнёт кричать* (Крюково Осин.) [СРГЮП: 53]. *Колдунья-то сама с Могильникова будет. Она людей как-то напаивает. Слова у неё черти. Они и портят* (Н. Шакшер Черд.) [Архив]. *Мужа моего погуби-*

ли черти-те. Он в Березниках лежал в больнице. Говорили, что камни в почках. А это в него чёртики забрались. Они невидимы, нам не покажутся. Какое место болит – от чертей это (Лимеж Черд.) [там же].

Именно поэтому лексемы **бес**, **чёрт** и их дериваты часто используются для называния колдунов. В северных частях Пермского края мифологема *колдун – его духи-помощники* выражена наиболее отчетливо. Именно в этой части края записана большая часть текстов, содержащих номинации колдунов, с корнями **-бес-** и **-чёрт-**: **бесист**, **бесистый**, **бесястый**, **бесистый человек**, **бесястый человек** (*старик* и под.), **чертист**, **чертистка**, **чертистый**, **чертистый человек** (*женщина*, *старуха* и под.), **чертознай**, **чертызнай**. Тексты мифологических рассказов явно свидетельствуют о том, что их авторы осознают мотивационную связь между номинацией нечистой силы и колдуна, которому она служит: *Порчи у неё, биси насажённы. Такие люди есь бисистые. А по-настоящему, надо сказать, поговорка на них. Та поговорка на них, что они знают каких-то бисей* (Чердынь) [там же].

Если лексика с корнями **-бес-** и **-чёрт-**, как видно из приведенных примеров, широко представлена в мифологических текстах региона, то корень **-ляд-** в современных быличках и мифологической лексике никаких следов не обнаруживает.

Вредоносная деятельность колдунов, нашедшая отражение в пермской деловой письменности XVI–XVIII вв., получает свое яркое воплощение и в современной диалектной лексике и фразеологии. И сегодня, как и в далеком прошлом, слово **порча** выступает родовым обозначением такой деятельности: *Колдун порчу сажает. У кого порча, тот умирает. Если первый раз в избу заходишь, порча у порога сидит. Он рот откроет – она и залетит. Порчу ничем не выживешь, она у тебя до смерти будет* (Тетерина Солик.) [там же].

Одним из видов «порчи», нашедшим отражение в пермских текстах, выступает кликушество. В Пермском крае, как и на всем Русском Севере, кликушество называется *икотой*, *икоткой*, которые могут использоваться для называния 1) заболевания, вызванного колдовством, 2) «вселяющегося» духа – причины такого заболевания и 3) человека, страдающего этим заболеванием [АС 2: 20].

Пермские материалы коррелируют с представленными в СРНГ (в статьях «Икота», «Икотка») значения почти полностью совпадают с указанными выше и показывают распространён-

ность представлений об «икоте» на территориях Русского Севера и Пермской губернии [СРНГ 12: 181–182]). Данные, приведенные в СРНГ, относятся в основном к середине XIX в. Современные записи (вторая половина XX в. и начало XXI в.), сделанные в Пермском крае, красноречиво говорят о бытовании и актуальности представлений об этом явлении в русской и коми-пермяцкой крестьянской среде и в настоящее время (о коми-пермяцкой традиции «икотания» см., например, главу «“Измененный голос” и его культурный смысл» в монографии [Четина 2010: 85–106]). Это свидетельствует о преемственности мифологических представлений и лексики, которая их отражает.

Анализируя круг современных текстов, отражающих представления об «икоте», мы уже не находим обнаруженных в памятниках письменности единиц словосочетаний *икотное дело*, *икотная порча*, *икотная скорбь*, *икотная немочь*, глагола *иктать* (хотя глаголы *икта*ть*, *заикта*ть* в значении ‘икать’, ‘начать икать’, по данным СРНГ, фиксируются еще в XIX в. на территориях Вят., Пск., Смол., Новг. губерний [СРНГ 10: 102; 12: 183]), но само явление остается по-прежнему живым и номинируется определенным кругом слов и устойчивых сочетаний. Прежде всего это единицы, образованные от корней *-ик-*, *-икот-*. Такие единицы могут называться колдуна: *икотник*, *котник*; причинение вреда человеку колдовством: *икотить*, *изыкотить*; человека, страдающего «икотой»: *икотишный*, *икотник*, *икотница*, *икотный*; пребывание в болезненном состоянии: *икотиться*; предсказывание «икоткой» каких-либо событий (как социально значимых, так и личных): *икотничать*, *выикать*.

Со словами *икота*, *икотка* в пермских говорах формируются устойчивые сочетания, называющие противоположно направленные действия: чаще всего магическое вызывание болезни – «икоты»: *засадить икоту*, *навести икоту*, *подать икоту*, *подсаживать икотку*, *посадить икоту*, *посадить икотку*, *поставить икотку*, *пускать икоты*, *пустить икоту*, *сидить икоту* и др., реже – ее магическое излечение: *прогонять икотку* (подробнее об отражении изучаемого явления в пермской лексике и фразеологии см.: [Русинова 2011в]).

Нашли отражение в современных материалах и способы излечения от порчи, в том числе лечение травами, упомянутое в памятниках письменности. В «Словаре пермских говоров» зафиксировано словосочетание *икотная трава*, отвар которой использовали для излечения от «икоты»:

Икотная трава высокая, с белыми цветочками, от икотки пьют. Высушишь её, потом в чайнике попаришь и пьёшь (Ефремы Солик.) [СПГ 2: 444].

Безусловно, время и условия изменяют отношение людей к верованиям предков и оказывают влияние на лексический состав языка. Например, слово *вежливец*, обозначавшее колдуна на свадьбе, приглашаемого для того чтобы он оберегал молодых от порчи, и, судя по памятникам письменности, входившее в активный словарный запас, не фиксируется в современных пермских говорах. Хотя свадьба по-прежнему осознается людьми как опасное, переходное для жениха и невесты время, в течение которого они наиболее уязвимы и нуждаются поэтому в защите от вредоносного магического воздействия. Современные мифологические тексты содержат отраженное в лексеме *вежливец* древнее представление: колдуна необходимо приглашать на свадьбу, иначе он может причинить вред не только самим молодым, но и всем участникам свадебного пира. Мы увидим из примеров, что данный сюжет является устойчивым и фиксируется в различных районах края:

А у нас знаткой человек был – коренной колдун. Без него ни одной свадьбы не играли. Со стола не брали, пока он не возьмёт (Исаково Черд.) [Архив]. *Не созвали её [колдунью] на свадьбу, и она присадила жениху килу на щёку. Раздуло. Насилу сняли* (Тетерина Солик.) [там же]. *Вот раньше приехали по невесту, тут пришёл один старик, знаткой. Его на свадьбу не пригласили, он пришёл, его надо угостить, а оне то ли забыли или чё. Он раз чё-то невесту сделал, нашептал, и невеста от жениха ушла, села. Полати раньше были, из печки на полати две доски – ленивка. Вот на ленивку-то перед трубу невеста-то и села и сидит. И никто ничего сделать не может. Потом догадались, что дедушко её испортил. Старика тогда угостили, за стол посадили. Он ломался, ломался, но всё по-хорошему сделал* (Балда Юрлин.) [Бахматов 2008: 32]. *Чтобы всё удачно прошло, на свадьбу иные колдуньё приглашали. Это уж обязательно. Если его на свадьбу не пригласить, так он, еретик, превратит мог человека в волка* (Говорливая Краснов.) [Жданова 2001]. *Волками обвертывали. Сусед вот был знаткой, его не созвали на свадьбу, так он всю свадьбу волками вывернул. Потом пошли к нему, в ноги пали, просили его. Вот он обратно всех воротил* (Зарубино Кунгур.) [СРГЮП: 151].

В одной статье невозможно показать богатейшее культурное наследие прошлых эпох,

**Полякова Е.Н., Русинова И.И. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ**

(на материале лексики памятников письменности XVI – XVIII вв. и мифологических рассказов XX – XXI вв.)

нашедшее отражение в современной диалектной лексике и фразеологии региона. Мифологические представления, несмотря на изменившиеся социальные условия и уклад жизни людей, с поразительной устойчивостью воспроизводятся в сознании новых поколений и, как показал проведенный в статье анализ, по-прежнему отражаются в текстах традиционной культуры и языковых единицах, составляющих богатейший пласт современной диалектной лексической системы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта, выполняемого в рамках тематических планов по заданию Министерства образования РФ, № 6.3782.2011, гранта РГНФ № 2-34-01043.

² В качестве источников современного материала послужили диалектные словари Пермского края, фольклорно-этнографические сборники (см. список литературы), данные лаборатории ПГНИУ «Фольклор Прикамья» (рук. К.Э.Шумов) и полевые материалы И.И.Русиновой и других пермских собирателей. Два последних источника в статье называются «архив».

Список источников с сокращениями

Архив – данные лаборатории ПГНИУ «Фольклор Прикамья» (рук. К.Э.Шумов, собиратели К.Э.Шумов, А.В.Фирсова и др.), полевые материалы И.И.Русиновой и других пермских собирателей.

АС – *Словарь* говора д.Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Вып.1–6. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984–2011.

Бахматов – *Бахматов А.А.* и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования / А.А. Бахматов, Т.Г.Голева, И.А.Подюков, А.В.Черных. Пермь: ОТиДО, 2008. 502 с.

Жданова – *Жданова Н.В.* и др. Вишерская старина: сб. фолькл.-этнолингв. материалов по обрядовой традиции Красновишерского района / Н.В.Жданова, И.А.Подюков, С.В.Хоробрых; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь: Изд-во ПРИПИТ, 2002. 115 с.

Е – *Переписная* книга воеводы Прокопия Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Перм. учен. архивн. комиссии. Пермь, 1893. Вып.2. С.87–146.

К – *Писцовая* книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623-1624 гг. // Дмитриев А. Пермская старина: сб. истор. статей и мате-

риалов о Пермском крае. Пермь, 1889. Вып. 2. С. 110–194.

КА – *Кунгурские* акты XVII века (1668-1699 гг.) / сост. А.А.Титов. СПб., 1888.

КЗСИ – *Кунгурская* земская судная изба. 1702–1705 гг. Рукопись. РГАДА, ф. 687, оп.1.

КС – *Писцовая* книга Михаила Кайсарова Соли Камской 1623 г. Рукопись. РГБ, отд. рукописей, ф. 256, д. 308.

КСАУ – *Кунгурские* судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА, ф. 1015, оп. 1.

КЧ – *Писцовая* книга Михаила Кайсарова Перми Великой. Рукопись. РГБ, отд. рукописей, ф. 256, д. 308.

Подюков – *Подюков И.А.* и др. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района / И.А.Подюков, А.В.Черных, С.В.Хоробрых. Пермь: Перм. кн. из-во, 2006. 224 с.

РСЧ – *Расписные* списки. Рукопись. РГАДА, ф.137, оп. «г. Чердынь».

СПГ – *Словарь* пермских говоров: в 2 т. Пермь, 2000–2002.

СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / И.А.Подюков (науч. ред.), С.М.Поздеева, Е.Н.Свалова, С.В.Хоробрых, А.В.Черных; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2010. 456 с.

Черных – *Куединские* былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX –XX вв. / сост. А.В.Черных. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004.

Я – *Писцовая* книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ, отд. рукописей, ф. 356, д. 308.

Список литературы с сокращениями

Полякова Е.Н. Слова с корнем *ляд* в пермской лексике и ономастике // Региональная лексикология и ономастика: материалы для самост. работы: учеб. пособие / Перм. ун-т. Пермь, 2006. С. 118–125.

Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И.Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып.3. С.193–200.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 1 (на материале мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010а. Вып.3(9). С.18–25.

Русинова И.И. Еще раз об облике бесовском. Статья 2 (на материале мифологических расска-

**Полякова Е.Н., Русинова И.И. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И МАГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ**

(на материале лексики памятников письменности XVI – XVIII вв. и мифологических рассказов XX – XXI вв.)

зов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010б. Вып.6(12). С.13–17.

Русинова И. И. Вербализация представлений о связи колдуна с нечистой силой (на материале лексики пермских говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011а. Вып.2(14). С.15–23.

Русинова И.И. Отражение представлений о колдовстве и знахарстве пермскими диалектными словарями // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011б. Вып.4(16). С.40–52.

Русинова И. И. «Икота» в зеркале пермской диалектной лексики и фразеологии // Лингвокультурное пространство Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011в. Вып.3. С.113–122.

Русинова И. И. Представления о «киле» в зеркале пермской диалектной лексики и фразеологии // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып.2(18). С.43–51.

СДЛСИ – *Тупиков М. Н.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М: Языки славян. культур, 2005. 913 с.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. М.; Л., 1965–2010. Вып.1–43 (издание продолжается).

Четина Е. М. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края / Е.М.Четина, И.Ю.Роготнев; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 224 с.

Условные сокращения

д. – дело

об. – оборот

оп. – опись

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

ф. – фонд

Условные сокращения районов Пермского края

Гайн. – Гайнский

Караг. – Карагайский

Краснов. – Красновишерский

Куед. – Куединский

Кунгур. – Кунгурский

Нытв. – Нытвенский

Осин. – Осинский

Солик. – Соликамский

Уинск. – Уинский

Юрлин. – Юрлинский

Черд. – Чердынский

**MYTHOLOGICAL AND MAGIC CONCEPTS OF PERM KRAI CITIZENS
IN THE MIRROR OF LEXIS AND PHRASEOLOGY
(on the data of lexis of written monument of XVI – XVIII cc.
and mythological stories of XX – XXI cc.)**

Elena N. Polyakova

Professor of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State National Research University

Irina I. Rusinova

Reader of General and Slavonic Linguistics Department
Perm State National Research University

In the article on the data of the lexis of the Perm Krai written monuments of the XVI–XVIII cc. and mythological stories of the XX–XXI cc. verbal representations of mythological and magic concepts of the Krai's citizens are regarded, in particular the nominations of evil spirits, sorcerers, their acts and attributes. The analysis of the verbal data revealed stability and continuity of the concepts, represented in the lexis and phraseology of the Krai.

Key words: written monuments; mythological stories; Perm Krai; evil spirit; sorcerer; mythological lexis; magical lexis.